
Между тучами – краюшки неба синего –
окна в истину – прозрачны и чисты.

Словно в зеркало, глядится Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много темного выдавшем на веку.

И в зарю идут былинные дружинники,
в ту, тревожную, из «Слова о полку».

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...

Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковицах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,

вдруг душа рванется следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с неммым укором.
И тропинка робкая ведет
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльем...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проем
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

Прошедший век с просевшим домом
уже никто не покупал.
Лицо в оправе из картона
смотрелось в крошево зеркал...

А в этом мире тоже жили –
не приходили на постой.
Там петли заячьи кружили
от первопутка до Страстной,
и пелись песни без начала,
и пились вечные сто грамм,
и плавно лебеди качались
на серой вате между рам.

Ушло. Растаяло. Забылось...
Лишь при включенном ночнике,

смеясь, – от бабки научилась –
она гадала по руке.

И было невдомек обоим,
читавшим линии судьбы,
как сложный вензель на обоях
похож на заячьи следы.

*Когда погребают эпоху,
надгробный псалом не звучит...*
А. Ахматова

Ни стона, ни горького вздоха –
кладбищенский строгий уют.
Здесь снова хоронят эпоху
и снова вороны снуют.

Процессия курит в сторонке.
От заступов комья летят.
«Об этом расскажут потомки», –
могильщики пьяно твердят...

И ты, безусловно, намерен
исполнить отцовский завет.
И прошлое загнанным зверем
рванется из чащи на свет,

в убийственной жажде спасенья
помчится быстрее и быстрее
туда, где в угодьях осенних
плывут голоса егерей.

По лужам бежит ветерок торопливый,
балует за настезь открытым окном,

у низкой калитки, где старая ива
застыла почтенно в поклоне земном.

И бродит Господь в этих далях уездных,
хлеба рассыпая дающей рукой.

А жизнь, как вода во облацех небесных,
неясно темнеет за спящей рекой.

Делам и посевам отмерены сроки.
Взлетает над берегом визг детворы.
Своих пассажиров у тихой затоки
услужливый лодочник ждет до поры.

Промытое утро антоновкой дышит.
Тихонько скрипят, в синеву уходя,
ступени, зовущие прямо на крышу
к нападавшим яблокам после дождя...

Щемящие запахи давнего Спаса
отыщешь в потертом своем рюкзаке,
откуда годами достать не решался
росинку на маминой теплой щеке.

– Ну, китель вот куда ты денешь?

А влезло бы еще два платья!

И, кстати, предлагает деньги
приличный с виду покупатель.

...Весна расцвечивала дали,
звенела иволгой над миром.
Тихонько звякали медали
в пакетике из-под кефира.

...Потом он будет втихомолку
искать заначку и храбриться:
жена права – зачем на полках
старье отцовское пылится?

Потом откупорит чекушку,
глотнет спасительного яда...

Потом соседская девчушка
застынет изумленно рядом,

тряхнет косичками упрямо,
сандалик порванный наденет
и звонко крикнет: «Мама! Мама!
Он не отбрасывает тени!»

– Ветер тучи озябшие треплет,
гонит листья по черной земле...
Он, небритый, в линялом отрепье,
едет мимо верхом на осле! –

так рассказывал местный пьянчужка,
«живописец», «радетель холста».
И плескалась в невымытой кружке
то ли истина, то ли тоска.

Но его закадычные друзья,
не молясь о спасении душ,
посмеялись: несет с похмелюги
то ли бред, то ли блажь, то ли чушь.

... Уходили из города вместе,
оставляя века позади.
Безыскусный покоился крестик
под рубахой на впалой груди.

Отправлялись, как видно, далече...
Брел понуро голодный ишак.
И неслышно спускался на плечи
то ли свет, то ли снег, то ли знак.

Младенец спал.
Уже зажглась звезда.

И шли волхвы. И мать сидела рядом.
Так далеко, казалось, до креста.
Так близко небо, пастухи и стадо.
Младенец спал.

Ему несли дары.

И тем, кто нес, хотелось верить в чудо.
И полыхали поздние костры,
горячие, как поцелуй Иуды...

...Застыло серебро на тополях –
гроши звенели у беды в кармане...
Младенец беззаботно спал в яслях,
себя доверив Господу и маме.
Давно пастух пригнал своих овец.
Звезда погасла там, за новостройкой.
А люди доедали холодец
и выносили елки на помойку.

Младенец спал.